

Персонажи произведений Анастасии Ермаковой – обыкновенные современные люди со своими радостями и трудностями. Они работают, ездят в отпуск, иногда болеют, ходят в храм, расстаются с любимыми. Многих из них объединяют способность наблюдать, сочувствовать, слушать и слышать. Подобно тому, как внимательный доктор фиксирует жалобы пациента, они внимают историям своих близких, а иногда – просто случайных знакомых. Так, в рассказе «Розовое свечение», отец Иоанн и главная героиня словно меняются ролями. Девушка выслушивает горькую исповедь служителя церкви о его ушедшей из жизни жене, пытается подобрать слова утешения. А он, взрослый и как будто уверенный в себе человек, в одночасье становится очень уязвимым: «И вдруг он заплакал. Так плакал только мой сын – внезапно, горестно, навзрыд».

Внимание к миру и чуткость не чужды и героине рассказа «Проводить тебя домой?». Гуляя со своим ребёнком, она встречает незнакомую девочку: «Салатовая замызганная курточка, огромные зелёные глаза, под ними синяки, тощий хвостик, перехваченный резинкой, покрасневшие руки сцеплены в крепкий замок». Оказывается, мать маленькой Сони постоянно пьёт, а её не по годам серьёзная дочь считает своим долгом присмотреть за родительницей: «А то еще заснёт с сигаретой – пожар устроит...»

Дети в прозе Анастасии Ермаковой нередко становятся заложниками совершённых взрослыми ошибок. Некоторые из них уже невозможно исправить. Показательны в этом отношении и повесть «Точка радости», в которой идёт речь об ожидающей малыша оставленной мужем

женщине, и рассказ «Божья коровка не кусается», на котором хотелось бы остановиться чуть подробнее. Алиса – «смуглая девочка с чёрными кудрявыми волосами» – появилась на свет в результате курортного романа своей матери:

«Вот она божья коровка. Откуда тут взялась? Ползает прямо по моему животу, оранжево-пятнистая, беспечная, крылышки в крапинках песка. Дотронулась пальцем. Бояться не надо – они не кусаются. Ни российские, ни тунисские. Попробовать бы так жить – не кусаясь. Никого не обижая. Не причиняя боли. Не обманывая.

Улетела.

Не успела попросить ни хлеба, ни счастья.

Вот она дочь. Лунное внебрачное дитя. Рождённая от одной-единственной ночи. На пароходе. От рослого темнокожего мужчины».

По сюжету, мама с дочкой приезжают в Тунис на отдых и случайно встречают Аниса, отца Алисы. Для передачи чувств Инны, её робкой, но окончательно разбитой надежды на счастье, Анастасия Ермакова выбирает хрупкий и пробирающий до озноба образ божьей коровки. В начале рассказа это насекомое обнаруживает на пляже сама Инна, а в конце – мёртвую божью коровку находит её дочь.

Как и для Инны, для многих других персонажей книги «Окна с видом на МКАД» характерны склонность к рефлексии, привычка размышлять. Дважды сдав кровь в разных кабинетах, женщина из рассказа «Полдня счастья» оценивает силу боли в том и другом случае. Простая в общем-то медицинская процедура вызывает в её голове целый вихрь вопросов: «Почему та, что казалась мне спокойной и счастливой, сделала больно, а та, замотанная жизнью, действовавшая как робот, чётко и равнодушно, обошлась со мной более бережно? Может, первую бросил муж, и она бодрится из последних сил, спасаясь от отчаяния, делая больно другим, потенциальным разлучницам, особенно тем, кто моложе и красивее её? А у второй хоть и наскучивший, но монолитный сорокалетний брак, талантливые дети и многочисленные внуки?» Наконец, она заключает: «Я устала раздумывать над судьбами других людей, не в силах разобраться в своей собственной, и всё же не могу отделаться от этой роли постоянного наблюдателя. Наблюдателя поневоле».

Таким «наблюдателем поневоле» становится журналистка из рассказа «Фронтвик», на мой взгляд, одного из самых сильных произведений в книге. Героиня приезжает к поэту-фронтвику Алексею Муравину, чтобы взять у него интервью. Ехать ей приходится «через всю Москву», «да ещё в выходной день». В начале рассказа звучит довольно резкая фраза: «Старику было девяносто два, и вроде, по наведённым справкам, он ещё не выжил из ума». Журналистка относится к предстоящему визиту исключительно как к работе. Правда, со стихами Муравина она уже ознакомилась, и первое впечатление о них сложилось: «Странно, что у людей, прошедших войну, мироощущение более светлое, чем у последующих поколений. Казалось бы, должно быть наоборот. Чем дальше от войны, тем поколение благополучнее. Но нет. Воевавшие умеют ценить радости мирного времени гораздо больше тех, кто рос в покое и благоденствии».

Побеседовав с фронтвиком и его супругой, соприкоснувшись с жизнью этих людей, героиня получает гораздо больше, чем просто материал для интервью. Теперь к Алексею Муравину она испытывает трогательную нежность и сочувствие: «Представляю, как беззащитно

спит, завёрнутый в красно-чёрный плед, полуживой фронтовик». В финале рассказа автор транслирует мысли своей героини:

«Милый, милый Алексей Никитич. Великий и ненужный человек. Получивший от своей Родины смертный приговор для отца и потом сражавшийся за нее, рискуя жизнью. Не интересный сегодня ни своей стране, ни своему городу, ни своему народу.

По пути домой включаю диск с песнями на стихи Муравина. Гордые и горячие слова бессмертно уплывают в полуоткрытое окно и растворяются в воздухе».

Передача состояний героев – то, что, безусловно, удаётся Анастасии Ермаковой. Автор хорошо знакома с особенностями человеческого восприятия, что подтверждают, например, строки из рассказа «Инверсия»: «Ночью, ворочаясь в густой бессоннице, пялилась в потолок, смотрела, как вспыхивала на нём быстрая дорожка от фар припозднившихся машин, сначала часто, а под утро всё реже». Действительно, люди, которые не могут уснуть, часто обращают внимание именно на такие вещи.

Автор, несомненно, обладает нестандартным, образным мышлением. Например, сравнивает одну из своих порванных о каблук бахил с измученной медузой, выброшенной на берег. Развито воображение и у героини повести «Из-за ёлки выходит медведь». Вглядываясь в картину, она видит её по-своему, гораздо глубже, чем среднестатистический человек. Это взгляд – не поверхностный, а словно направленный в глубину: «Картину я повесила на даче, в своей комнате. Над острой ёлкой неторопливо плывут лёгкие облака. Одно из них похоже на собачью морду с вывески зоомагазина. В светлом пористом воздухе чувствуется жара. Один летний, прожжённый солнцем день, неумело, но искренне продлённый в красках».

А как точна фраза «Теперь Новый год будет пахнуть не мандаринами, а больничной перетушенной капустой» в повести «Техника безопасности»! Речь идёт о впечатлениях героини, которая посещает сестру Катю в палате. Перед выпиской у Кати обнаруживают опухоль, и автору вновь удаётся передать чувства и состояния, на этот раз с помощью ритма. С размеренного, спокойного, чёткого повествования Анастасия Ермакова переходит на обрывочные фразы, и читатель улавливает те растерянность и горечь, то ощущение безысходности, – весь спутанный клубок мыслей, всё смятение чувств:

«...Грязь под ногами. Кукла... Нет, только одна её половинка – длинные голые ноги в красных сапожках. Половинчатое детство. Потерянность. Где же её туловище? Ноги на тротуаре. Кусок розовой пластмасы. На нём – капли дождя.

Продукты. Не забыть купить геркулес собакам. Ветер. Дед несёт картошку... Она намокла. Почернела... Обходит лужи. Смотрит вниз. Когда дождь – все смотрят вниз. Зонт со сломанной спицей, как человек без руки...»

В череде монотонных будней персонажи экзистенциальной прозы Анастасии Ермаковой всё же находят в себе силы для того, чтобы почувствовать своему ближнему. А иногда и дальнему. Совесть – вот одна из смыслообразующих констант художественного мира автора. Именно совесть – верный проводник к той подлинности, которую стремятся постичь герои. Отсюда и катарсическое переживание-проживание текстов. Однако в книге не найти ни морализаторства, ни сентиментальности. Только убедительные, живые, хорошо прописанные обра-

зы, внезапные, но всегда к месту пришедшиеся метафоры. И множество звуков и запахов: «Около полуночи, когда в открытое окно кухни хлынула звёздная, пахнувшая черёмухой темнота, я вызвала ему такси» («Розовое свечение»). Или: «А вечерами, созерцая речные закаты, она будет вести долгие неторопливые беседы с настоятелем о самом главном и чувствовать, как в сумеречном комарином воздухе растворён милосердный Бог, как ароматы травы и воды, смешиваясь, ласково витают вокруг» («Некурортное настроение»). И подобных описаний, рассыпанных, как золотой песок, по страницам книги «Окна с видом на МКАД», – множество. Все они гармонично встроены в сюжет и органично дополняют его.

«Пронзительность без истерики» – так назвал манеру Анастасии Ермаковой писатель Юрий Баранов, рассуждая о книгах «Предметы первой необходимости» и «Пластинин». Эти слова, без сомнения, в полной мере характеризуют и сборник «Окна с видом на МКАД».